

ЛЮБОВЬ {LEO} ПАРШИНА

Маска Зверя

[ИСТОРИЯ ЧЁРНОГО СЕРЕБРА]

Любовь Паршина

**Маска Зверя. [история
чёрного серебра]**

«Издательские решения»

Паршина Л. {.

Маска Зверя. [история чёрного серебра] / Л. { . Паршина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969911-4

Начало XX века. Гимназист Саша Кононов находится на пороге — его человеческая жизнь уже закончилась и вот-вот закончится школьная. Его одноклассникам предстоит выбрать путь, чтобы не зря прожить свою жизнь. А Саша?.. Стоит ли такой выбор перед ним? Проще ли его сделать — или напротив, сложнее?(Продолжение романа «Юноша и Зверь».Третье место в номинации «Крупная проза» конкурса «Трансильвания 2019»).

ISBN 978-5-44-969911-4

© Паршина Л. { .
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Лето	6
Глава вторая. День рождения Арлекина	11
Глава третья. Дурные вести	15
Глава четвертая. Семья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Маска Зверя [история чёрного серебра]

Любовь {Leo} Паршина

*«Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный чорт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок...»*

*Александр Блок
1905*

© Любовь {Leo} Паршина, 2019

ISBN 978-5-4496-9911-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Лето

Санкт-Петербург, 1909 год...

– Яблоки, персики, кресс-салат, дыня, базилик, хлеб, маринованные оливки, орехи, оливковое масло, лимон, протертый с сахаром, мед, малина, вишня, черный шоколад, красное вино, белое вино, вода, немного мятного чая... Вот, кажется, и все, – Саша потянулся и поудобнее устроился в низком, глубоком кресле, выложенном множеством расшитых восточных подушек. Окна квартиры были распахнуты в душный июльский вечер, лишь изредка слышались с улицы выкрики торговцев, и даже цокот лошадиных копыт звучал лениво. Напрягать память не хотелось вовсе. – Но я ведь не съел ничего лишнего?

– Если не сожрал всё перечисленное разом, как Гаргантюа, тогда ничего, – усмехнулся Марк, лежащий напротив окна на широком диване. – Вся эта снедь вполне допустима.

– Я все это только попробовал по чуть-чуть, – заверил Саша наставника, смеясь. – Ел, как птичка! Не то что остальные – баранина, курятина, осетрина. Они целый зоосад умяли, только при мне, и еще продолжили после моего отъезда.

– А ты?

– А что я?

– Ты больше ничем не полакомился, кроме перечисленного?

Марк посмотрел на юношу обманчиво лукавым и очень внимательным взором. Саша закурил губу, пытаясь скрыть улыбку.

– Ты там был три дня. Что ты успел натворить?

– Я ровным счетом ничего не натворил. Никто ни о чем не узнал и не узнает. Все сложилось невероятно удачно!

– Тогда, может быть, ты не сочтешь за труд поделиться подробностями со старым сатиром?

– Если тебе так интересно...

– Рассказывай, – велел римлянин.

– У Софи пятнадцатого числа был День Рождения, исполнялось тридцать три года. Она решила отметить сию значительную дату на даче, позвала множество разного народа: кроме всех друзей, еще художников, натурщиц и натурщиков, поэтов. Не было, конечно, никаких знаменитостей, только такие, кто время от времени ходит на Среды в Башню и подобные творческие встречи, просто чтобы стать поближе к кумирам. Как сама Софи. О, ты бы знал, что случилось во второй вечер! Прислали букет от самой Зинаиды Гиппиус! Софи бросало из обморока в эйфорию. Что там началось! Все выражали восторги, вспоминали свои встречи со всякими знаменитыми людьми. В общем, всем сразу стало не до «детей», как они нас все время называли. Таких «детей» было всего трое: я, Зиночка, дочка Веры Игоревны...

– Это при которых ты в женское платье нарядился?

– Да что ж такое-то? Мне на даче все это платье вспоминали! Софи даже просила ради нее нарядиться еще раз. Слава Богу, маман была против, а то, глядишь, и уговорили бы. В общем, нас – тех, кто помладше – было трое: я, Зиночка и Ваня Аловский.

И вот, в этот самый вечер, я вдруг вижу, что Ваня под шумок поднимается наверх. Я пошел за ним следом.

Шел я не слишком осторожно и Ваня заметил меня еще на лестнице, но отчего-то не остановился. Он зашел в комнатку, которую нам отвела Софи – маленькая комнатка, в которую еле влезло две кровати и тумбочка между ними. Из освещения – только окошко да керосиновая лампа.

Я зашел в комнату, а Ваня уже сидит на своей кровати, одной рукой под подушкой шарит. А глаза так и бегают! Увидел меня и будто бы удивился. «Сашка, – говорит, – а ты секреты хранить умеешь?» Я сказал, что умею.

Он тогда достал из-под подушки какую-то книжку, может, и вовсе записную, а из ее корешка – крохотную ампулку. Совсем как в страшных сказках Филиппа, но внутри – не черная кровь, а белый порошок. Этот дурак в атмосфере богемы совсем с ума сошел и кокаином балуется! А начиналось все вроде бы безобидно, с «Тридневена во гробе»... Он и мне предложил! Я, конечно, отказался.

Тогда он попросил меня никому не рассказывать, я пообещал и лег, отвернувшись к стенке – будто мне и дела нет. Когда я через некоторое время обернулся, Ваня уже лежал тихий, довольный, румяный и что-то мурлыкал. Я дотронулся до его руки, слегка похлопал по щекам, но он только засмеялся и даже глаз не открыл. Я выглянул в коридор, убедился, что на нашем этаже никого нет и в помине, поплотнее затворил дверь и сел рядом с Ваней. Ни на его руках, ни на шее я не нашел царапин или порезов, так что пришлось рискнуть и укусить.

Я укусил вот сюда, почти в самое плечо, чтобы не было заметно под одеждой. Кусал очень осторожно, одним клыком, чтобы не было ясно, что оставшийся след – от зубов. В одной из историй Филиппа я слышал, что лучше делать именно так.

До этого момента я пил кровь единственный раз в жизни, больше месяца назад, но, пока я не слизнул первую каплю, не осознавал, как проголодался. А держать Ваню было так приятно – как щенка или котенка. Только я так и не понял, нравилось ли ему то, что происходило. Зато потом он уснул, как убитый, и проспал почти до обеда.

– А ты?

– Тоже проспал до обеда. Но перед этим гулял всю ночь. Было так тепло, так хорошо! Я выскользнул из дома, перелез через забор, чтобы не скрипеть калиткой и просто ходил по поселку. А потом на дуб залез. Такой огромный, старый сухой, как в сказке. Я долез, наверное, до середины и на развилке ветвей просидел до рассвета. С одной стороны был виден поселок, как на ладони, а с другой – старая-престарая осевшая церковь с колокольной.

– Тот мальчик потом ничего не вспомнил?

– Кажется, нет. В любом случае, он ни о чем не расскажет, иначе ему придется рассказать и про кокаин. Так что ты обо всем этом скажешь?

Марк задумчиво пожал плечами.

– Возможно, в этот раз все действительно сложилось на редкость удачно. Но не рискуй так больше, пока не наберешься сил.

– Хорошо, – согласился Саша. Он еще раз лениво потянулся в кресле, но затем вдруг встал и пересел на подоконник.

– Ты сегодня не слишком спешишь домой, – заметил Марк.

– Если я тебя утомил, могу уйти.

– Нет, ты мне совершенно не мешаешь. Оставайся хоть на всю ночь.

– Могу и ночь просидеть – сегодня папенька уехал на дачу к Барятовым и до пятнадцатого числа не появится. Нам с Денисом денег оставил – мол, мы *оба* уже взрослые – велел дома не безобразить, и уехал. А Денис целыми днями где-то пропадает.

– Ты что-то не рад неожиданной свободе.

Саша немного грустно улыбнулся.

– У меня ведь в начале августа День Рождения. Мы, честно говоря, его никогда широко не справляли. Но в этом году выходит, что почти никого не будет, разве что приятели по гимназии смогут прийти. А матушка, мало того, что сама у Софи на даче до сентября останется, так еще и бабушке с дедушкой, и крестным моим написала, что я только иду на поправку и любое переутомление, любое застолье может быть для меня вредно. Чтобы не дай Бог никто

не заглянул! Вот ни черта не понимаю – она не рада, выходит, что я жив? Она мне в глаза почти не смотрит...

– У тебя глаза Филиппа. Как думаешь, насколько ей приятно в них смотреть?

От этой фразы произнесенной спокойным, будничным тоном, Саша вздрогнул, словно ему посреди разговора ни с того ни с сего отвесили пощечину.

– За что ты так?

Марк поднялся с дивана, подошел к юноше и коснулся его плеча – мимолетно, легко, будто смахнул соринку с рубашки.

– Извини. Но подумай сам. Пока Филипп оставался для нее смутным жутким воспоминанием, ты был ее – только ее! – дорогим мальчиком, дарованным свыше испытанием. Но, стоило Филиппу обрести реальность, стать лицом вполне определенным, стоило ей увидеть, насколько ты похож на него – и все переменялось. Ей понадобится изрядное количество времени, чтобы осмыслить и принять все заново.

Посмотрев на наставника, Саша только грустно кивнул. Ему очень не хотелось говорить римлянину о еще одной причине странной и быстрой перемены в матери – тем более что об этой причине он сам пока только смутно догадывался и боялся судить наверняка.

Среди прочих гостей была Ариночка, молодая поэтесса, часто читавшая Софи свои почти гениальные, но еще по-юношески трогательные стихи. Ариночка обычно носила светлые платья, открывающие щиколотки и высокие сапожки с острыми каблукками. Также ее образ был замечателен обилием жемчуга и густотой черной краски вокруг голубых глаз. По крайней мере, именно так она и выглядела во время их последней встречи, которая состоялась у Ольги Михайловны в Великий пост.

Каково же было всеобщее изумление, когда на дачу к Софи она приехала в серой кофточке, темной льняной юбке в пол и совершенно без макияжа. Свои волосы она мало того, что заплела в косу, так еще и спрятала под шарфиком, замотанным на манер платка.

Софи, конечно, изумилась, пару раз спросила, все ли у Ариночки хорошо, здорова ли она, но, получив в ответ самые благостные заверения, быстро оставила ее своим вниманием. Все-таки остальных гостей было не меньше двадцати человек.

А Ариночка взялась со всеми по очереди беседовать о религии и о вере. Поначалу публика живо вступала в разговор – начинали разглагольствовать о гностиках, о культе Митры, об эротизме в католицизме, однако, стоило Ариночке негромким, но чуть звенящим от благоговения голосочком сказать что-то о некоем новоявленном святом, с которым она недавно виделась, как ее собеседник тут же исчезал. Она же неотрывно смотрела вслед ему, глупому, бестолковому, с бесконечной любовью и нежностью, глазами щенка овчарки.

«Меня учили, как надо молиться, – то и дело пыталась сообщить Ариночка. – Надо выйти прочь из города и идти, идти, идти...». Впрочем, дальше этой важной рекомендации ее обычно никто не слушал. Кроме Елены.

Она единственная выслушала Ариночку с искренним интересом и даже принялась расспрашивать.

За столом Елена села рядом с Ариночкой, а после они всюду ходили вместе, оставались надолго поговорить на веранде, в саду. Вначале Саша решил, что матушка просто посочувствовала подруге, но на утро третьего дня Елена встревожила сына не на шутку.

Саша как раз возвращался после ночной прогулки. С дуба он слез, когда рассвет только-только занимался, а пока нога за ногу добрал до дома, над поселком уже посветлело небо, от земли поднимался полупрозрачный дымок.

Дом был совсем тихий – в такую рань все спали. Только Елена, накинув на плечи тяжелую шаль, вышла на крыльцо полюбоваться утром. Саша увидел ее, едва ступив на двор, а она стояла, погруженная в свои мысли.

– Доброе утро! – окликнул он ее.

Елена спокойно, плавно повернула голову и улыбнулась тихой и счастливой улыбкой. Хотя, в этот момент Саша понял, что мать не улыбалась так искренне уже очень давно, но все же что-то чуждое, отталкивающее померещилось ему в этой улыбке.

– Доброе, – ответила, наконец, Елена негромким, теплым голосом. Она посмотрела на сына, а затем печально опустила взор. – Как же мы неправильно все сделали.

– Ты о чем, маменька?

– Мне рассказали невероятную вещь. Ариночка познакомилась со святым человеком... Понимаешь, Сашенька? С по-настоящему святым! Он такой мудрый, такой простой – это старец из Сибири. Он учит людей, он молится, спасает. Исцеляет лишь силой своей молитвы любые недуги. Врачи говорят, что ничего поделать не могут, а этот старец просто молится. Если б знать о нем раньше...

Переборов охватившие его недоверие и смущение, Саша только пожал плечами.

– Что же теперь поделать? Я уже у врачей побывал, чувствую себя лучше. Сама на меня погляди!

Но Елена отчего-то погрузилась и, не взглянув более на сына, спустилась с крылечка и села на лавку под растущей у дома узловатой, старой яблоней.

Саша поднялся к себе, но долго не мог заснуть. Такое умиротворенное и благоговейное, неведь откуда взявшееся состояние матери разозлило его оттого, что она сама в глаза не видела этого «старца», а только наслушалась Ариночку, решившую, похоже, поюродствовать.

Но более всего не давало ему покоя то, что матушка так и не высказала до конца. *«Как же мы неправильно все сделали»*. Что именно казалось ей *неправильным*? Клиника доктора Юргеля?.. Или же ее собственное обращение за помощью к Филиппу Лорелу? Куда там до святого старца!

Проснулся Саша, как и многие на этой даче, уже после обеда. И так же, как и многие, в этот день они с матушкой должны были уезжать вечерним поездом обратно в Петербург. Но Елена отчего-то вдруг передумала.

Она была не единственной, кто оставался, да и Ариночка этим утром уехала, так что Саша не стал с нею спорить и отправился домой один.

– Вот назло им всем позову мальчишек из гимназии и напьюсь с ними. Пусть потом стыдно станет, что меня одного бросили, – пробормотал Саша, совсем уже забыв, какой была последняя фраза Марка и сколько времени прошло после нее.

– А я думал, что после такого продолжительного раздумья ты выдашь что-то более глубокомысленное.

– Я забыл, о чем мы говорили. Да, может, ты и прав, надо порадоваться свободе. Соберемся с мальчиками, как я уже говорил, напьемся, как извозчики. Семнадцать лет все-таки!..

Марк кивнул, как-то коротко, отрывисто, будто говоря «ну да, ну да».

– Только не забывай, что тебе учиться с ними еще целый год, так что старайся себя контролировать. Если они, конечно, тоже не нюхают кокаин.

У Саши неприятный холодок пробежал по спине.

– Ты что же, думаешь, что я могу кого-то из них?.. Нет! Это же мои ребята – мои, родные. Я с ними всю гимназию отучился. Никогда и ни за что я их не трону!

Марк только усмехнулся, как всегда, чуть криво и лукаво.

– Родные, говоришь? Ну, тогда ладно.

Он сел на подоконник напротив растерянного и глубоко возмущенного Саши.

– Так ты, что же, не веришь, что я в своем уме?

– Разве я сказал, что не верю? Просто хочу посмотреть, что будет. Вариантов, собственно говоря, немного: ты либо рассмешишь, либо порадуешь меня своим поведением.

«Как же гнусно он себя ведет, – подумал Саша, молча, и, как ему показалось, невозмутимо отвел взгляд в сторону на улицу. – Он ведь отлично знает, насколько я завишу от него. Бог ты мой! Он ведь именно поэтому так себя и ведет! Чертов язычник».

Солнце к этому моменту уже смотрело поверх петербургских крыш, скользило ленивым, сонным взглядом из-за горизонта, будто напоследок, забавы ради, пересчитывало все трубы и шпили. Тепло и свет таяли в улицах и переулках, а глухие дворы уже успели остыть.

– Не выпить ли нам травяного чаю с медом? – вдруг предложил Марк.

Саша оживился и обида его как-то поубавилась.

– Это того, который мы пили в прошлый раз? С охотой!

Он быстрее Марка перебрался на диван, поближе к низкому восточному столику, отделанному перламутром, и разлегся на валиках и подушках.

Кстати, в жилище римлянина было множество старинных восточных вещей и предметов мебели, часть которых, вероятно, принадлежала в прошлом Ренефер.

Подавал им чай старый, высохший, абсолютно лысый слуга. Этот странный молчаливый человек казался Саше злым и неприятным. По-русски он не понимал ни слова, на гимназиста смотрел волком, так, словно тот топчется грязными ботинками по мытому полу. При этом на хозяина, на Марка, он лишней раз даже и не глядел, а только посматривал со страхом и обожанием.

Чай был в высоком чайнике, покрытом голубой эмалью, мед – в обычной, но с виду старинной плошке из разноцветного стекла, и только чашки были обычные, фарфоровые, купленные, похоже, в ближайшей лавке.

– Когда у тебя начинается учеба? – спросил Марк, едва слуга, разлив чай, исчез в глубине квартиры.

– С шестнадцатого числа.

– До этого зайди хотя бы раз.

– А можно не раз? Мне дома делать нечего.

– Можно. Если меня не будет, дожись – Франческо тебя выпустит.

– Только он меня почему-то не любит.

– Конечно, он тебя не любит. На первые дни учебы, так и быть, оставлю тебя в покое. А вот на первую субботу сентября не назначай никаких встреч и ничего не планируй.

– Почему?

– Твое присутствие будет требоваться... – Марк задумался. – В общем, кое-кто хочет с тобой познакомиться.

Глава вторая. День рождения Арлекина

Во второй день августа гимназист Александр Кононов все же собрался праздновать день своего рождения.

Обстоятельства сложились в высшей степени благоприятно – у гимназиста Коконова дома не было ни одного родителя, Денис на этот день ушел по каким-то своим студенческим темным делам, а Лизу Саша вовсе отпустил после того, как она загодя, с утра, приготовила нехитрую закуску. Дома оказалось непривычно пусто. Все прошлые дни рождения и именины Саши праздновали обязательно в кругу семьи – то в широком, то в тесном, но отец с матушкой всегда непременно были. И вот впервые Саша остался в этот день один.

Друзей он позвал не слишком рано – к пяти часам, чтобы точно проснуться и быть полноценным человеком.

Уже после четырех часов он стал по очереди подходить ко всем окнам в квартире. Наконец, в половину пятого, из окна гостиной, он увидел слоняющегося у лавки на противоположной стороне улицы Юру Волкова.

Саша тут же выскочил к нему (не забыв, правда, про фуражку и очки с темно-синими стеклами).

– Ну здравствуй, родной! Что стоишь тут? – спросил он, уже подбегая и хватая зазевавшегося Волкова за рукав.

– Черт бы тебя побрал, Кононов! – выпалил от неожиданности тот. – С Днем Рождения тебя, дурак.

Саша тут же повел друга в дом, предложил угощаться всем, чем пожелает, но Юра в ожидании остальных товарищей решил не перебивать аппетит и перекусить парой долек апельсина.

Выбрав из горки плодов самый красный и самый крупный, они разделили его и стали есть.

Юра вгрызался в дольки, отрывая мякоть зубами от мясистой кожуры, а Саша, напротив, ел аккуратно, не спеша – скорее высасывал сок, чем ел.

– На улице так жарко, – вздохнул он вдруг.

– Да я бы не сказал, – пожал плечами Волков. – Жара уже давно на спад пошла.

Посидели еще немного в тишине, в пустой квартире. Хоть они и были давними друзьями, но в атмосфере ожидания становилось немного неловко.

– Помню, как мы с тобой встретились впервые, – заговорил, наконец, Саша.

Юра нахмурился.

– В первом классе.

– Вот и нет! На экзамене по словесности. Ты у меня пытался попросить списать.

– Я, откровенно признаться, помню смутно, но, судя по тому, как рассказываешь, списать ты мне не дал. Хоть покурить на кухню пустишь?

– Зачем тебе на кухню? Здесь и кури, никого же нет.

Саша шустро достал с дальней полки буфета тяжелую пепельницу и поставил на стол.

Волков пожал плечами и стал курить. Курил он как-то дерзко, надменно – его забавлял сам ритуал, а не вкус табака.

– Дай затянуться разок, – вдруг попросил Саша у Волкова.

– Ты ж не куришь! – удивился тот.

– В день своего семнадцатилетия имею право изменить привычке. Дай!

Волков передал ему папиросу. Саше, правда, хватило одной затяжки. Страшно закашлявшись, он на ощупь отдал папиросу обратно.

– Дрянь какая! И за каким же бесом вы курите?

– Кто это «мы»?

– Не важно – это я так, образно.

– Образно. Только добро чужое переводишь.

– Было бы оно добром. А то по вкусу совсем не на добро похоже.

В дверь позвонили.

– А вот наши балбесы, – сказал Саша, все еще откашливаясь, и пошел открывать.

Дима и Юленька помимо подарков притащили с собой еще и пироги с курицей и рыбой.

Тут же разлили шампанское, провозгласили незатейливый тост – «Чтоб больше не болел!» – и, осушив и без того наполовину опустевшие от спавшей пены бокалы, стали дарить подарки.

Юленька заявил, что решил вспомнить детство и преподнес книгу сказок братьев Гримм – толстенную, с мрачными и очень красивыми картинками.

Волков, не мудрствуя лукаво, извлек из кармана брелок с настоящей греческой серебряной монетой, которую привезли ему из Херсонеса. Но особенно отличился Дима. Все, конечно, уже слышали о том, что его тетушка побывала в Италии и привезла ему гору подарков, так что никто не удивился, когда он, вручив Саше сверток, объявил:

– Вот тебе кусочек Италии!

Едва Саша нетерпеливо разорвал бумагу, к нему на колени выпала настоящая венецианская маска «арлекино» – словно бы состоящая из красно-черно-белых лоскутов.

– Это мужская коломбина, – уточнил Дима. – Нравится? О, а давайте устроим дель арте! – без паузы продолжал палить он, видно, еще дома заготовив идею. – Арлекин все равно уже есть!

– А кто Коломбиной будет? Юленька? – ехидно поинтересовался Волков.

Юленька фыркнул.

– Вот еще. Сам будь Коломбиной, если так нужно.

– Какая из меня, к черту, Коломбина? Ты – другое дело. Сашка, а ты что скажешь?

– Дель арте без Коломбины быть не может, – рассудил Саша. – Поэтому повелеваю нашему Юленьке быть Коломбиной.

Вроде бы и пошутил, и скомандовал, а попробуй не послушаться – испортишь все веселье. Юленька больше не спорил.

Саша вытащил в гостиную целую охапку шарфов и платков из шкафа в прихожей. Дима тут же схватился за длинный белый шарф. Юленьке повязали на талию цветастый платок, а на плечи набросили тонкую паутинку шали. Волков завернулся в тяжелый черный платок, заявил, что он – монах-отшельник, и закурил следующую папиросу.

– Ну. И что делать? – поинтересовался Юленька, когда все образы были завершены. – Сразу говорю, что плясать не буду.

– Коломбина обычно мечется, не в силах выбрать между Пьеро и Арлекином, – подсказал Дима. – Все уже вроде готово к свадьбе...

– Я выйду за Кононова, – отпраповал Юленька и стал мастерить себе гигантский бутерброд из всего, что было на столе.

Диму такое скорое решение несколько удивило и будто бы слегка задело.

– Это еще почему?

– А ты болееешь всё время – какой из тебя муж?

Вступил в игру Волков.

– Послушай, девонька, старого, умного дядю: выходи за больного. Он быстрее помрет – тебе все добро достанется.

– Какое добро? – фыркнул Кононов. – Какое у него может быть добро? Он же поэт, богема, голодранец!

– Знаете ли! Если мансарда на Монмартре за добро не считается, – протянул Дима. – И помирать я, кстати, не собираюсь. Ипохондрия – мой личный творческий наркотик. Да и погляди на нашего Арлекина – сам бледный, как смерть. Еще кто первый помрет!

– Правда, Сашка, – подтвердил уже серьезно Волков. – Ты бледный, почти синюшный. Тебе снова поплохело?

Саша поспешно встал и подошел к старому мутному зеркалу в тяжелой раме. Что же случилось? Неужели он так вдруг побледнел сильнее прежнего?

Но затем он понял, что это маска – красно-черно-белый арлекин – подчеркивает его бледность. Румянец после Вани продержался всего несколько дней.

Глаза из прорезей маски вдруг поглядели на отражение с тоской и жалостью. Да уж, ничего не поделаешь, теперь можно только воровать чужой румянец.

– Сашка, что с тобой? – окликнул его Волков с тревогой.

– Ты извини, если я что-то не так сказал, – робко вторил Дима.

Саша вновь опустил голову – вдруг очень захотелось сказать друзьям, что ему действительно снова нехорошо, что лучше он пойдет, приляжет. На одну страшную, глухую секунду ему *захотелось* остаться одному. Но затем в зеркале вновь воспрянул цветастый Арлекин, и Саша рассмеялся:

– Чего вы так всполошились? Я все лето на солнце не был. Ну так что скажешь, красавица? – Саша подскочил к Юленьке и чмокнул его в щеку.

– Я решил! – заявил тот, вытерев щеку рукавом, и продолжая жевать мяско. – Я, как женщина XX века, буду независимой и не выйду ни за Арлекина, ни за Пьеро.

– Уважаю! – воскликнул Волков и, перегнувшись через стол, пожал Юленьке руку.

– Однако, – фыркнул Дима. – Коломбина эмансипе?

– Засулич! – подсказал Волков. – Коломбина Петруччиевна Засулич!

– Тьфу на тебя, Юрка! Не люблю я тебя. Вот временами прямо ненавижу!

– А ну цыц, школота! – вдруг громогласно скомандовал кто-то не сидящий за столом – кто-то едва появившийся в комнате.

Все, от неожиданности чуть оробев и, конечно же, умолкнув, обернулись и увидели на пороге гостиной Дениса. Тот стоял, привалившись к косяку, сдвинув студенческую фуражку набекрень, и наслаждался недолгим замешательством гимназистов.

– Дурак ты, Денис Дмитриевич, – вздохнул Саша, стягивая маску. – Я тебя так рано не ждал.

– Так уже почти восемь. К тому же, я, может быть, еще куда-нибудь отлучусь. Хотя нет, вру. Спать я лягу – сутки почти не спал. Так что сильно громко тут не орите, ладно?

Он подошел и с нарочитой небрежностью кинул Саше на колени сверток.

– На тебе, – потрепал он братца по голове. – Спокойной ночи, барбосы.

И скрылся в глубине квартиры.

Саша развернул бумагу и извлек небольшую легкую шкатулку с китайским узором. А может, она и была китайская – мало ли в Китае таких незатейливых шкатулочек?

Они сидели дальше, но дель арте отчего-то не ладилось.

Уже в одиннадцатом часу Дима, а вслед за ним и остальные стали собираться домой. Саша предложил им посидеть еще – вначале будто для вежливости, но когда все надетые в шутку платки и шарфы легли на диван, как шелуха, когда он сам совсем снял подаренную маску, то вдруг испугался одиночества.

– Останься хотя бы ты, – шепнул он, улучив момент, Юре. – С ночевкой останься, а Дима твоим передаст.

Юра призадумался, но все же покачал головой.

– Нет. Мне, правда, домой надо. Если хочешь, завтра к тебе приду, прямо с утра.

– Давай! – горячо согласился Саша. – Приходи обязательно! Только к обеду, а то я с утра сплю.

– Хорошо, – рассмеялся Юра и обнял друга.

Саша простился с ним, с Димой, с Юленькой, затворил за ним дверь и отчего-то не стал возвращаться в комнату, а сел на скамейку в прихожей. Какая разница, где коротать одиночество?

Здесь, в свете тусклой лампы и ее двойника в узком зеркале, тишина казалось особенно глухой. А Саша глядел в стеклянную гладь на своего двойника – усталого, хмурого юношу.

Вдруг он услышал шаги на лестнице в парадном и радостно встрепенулся: да ведь это, верно, Юра решил вернуться! Как же славно они посидят теперь вдвоем, допьют оставшееся шампанское...

В дверь не позвонили, а постучали – очевидно, с оглядкой на поздний час – и по одному этому стуку Саша понял, что это все-таки не Юра.

Открыв после недолгих раздумий дверь, он увидел на лестничной клетке Антона Ижевского. Тот стоял чуть поодаль от двери, очевидно намереваясь развернуться и немедленно уйти в том случае, если откроет ему не Саша.

– С Днем Рождения, – сразу заговорил Антон, подступая чуть ближе.

Только тогда Саша увидел, как бледен его друг, и что он небрежно одет, небрит да и вообще выглядит чужаковато, даже немного дико.

– Антон, ты совсем с лица спал. Что с тобой? Скажи, это ведь не оттого?..

– Нет-нет! – поспешил успокоить его Антон. – Это я сам. Только сам. Столько натворил за всю жизнь, а все это лето думал... Я только хотел теперь... вот.

Он достал из кармана пальто коробочку, старательно, но неказисто завернутую в синюю бумагу и отдал ее Саше. И, не давая гимназисту и слова сказать, развернулся и поспешно ушел.

Саша вернулся в гостиную, к оставленному столу, недопитому шампанскому, брошенным вещам. Как можно скорее он унес посуду на кухню, платки и шарфы рассовал по полкам в шкафу, а неоткрытую бутылку с красным вином убрал в буфет. Оставшееся выдохшееся шампанское вылил в раковину на кухне. Конечно, можно было бы оставить все назавтра – на совесть Лизы, но ему очень хотелось поскорее избавиться от всех остатков своего простого праздника, раз уж оному не суждено было продолжиться.

Все подарки, кроме подарка Антона, он положил в ящик стола. Не вошла туда только маска – ее он положил в самую тень, на верхнюю полку шкафа.

Затем он зажег настольную лампу и распечатал тугой, на совесть замотанный кокон из синей бумаги. Там оказался старинный не то брелок, не то медальон с архангелом Михаилом, повергающим клыкастого, рогатого и косматого Люцифера. «Как мило с его стороны», – с горечью усмехнулся Саша.

Он перебрался на кровать, достал из тайника «Декамерон», но читать так и не стал – лег на покрывало, держа книгу на груди. Больше ни о чем не думалось, ничего не хотелось – будто и не было никакого дня его рождения. Лучше бы и не было...

Впрочем, говорят, тягостное и смутное состояние часто приходит вслед за праздниками.

Глава третья. Дурные вести

Лето близилось к своему завершению, а время отдыха для гимназистов уже закончилось: с середины августа начались дни учебы.

Гимназия казалась отдохнувшей от привычных для нее суеты и шума и готовой вновь наполниться народом. Всюду всё было чисто и ново – подоконники и рамы выбелены, паркетный пол, покрытый свежим лаком, блестел, как озерная гладь. В кабинете биологии на втором этаже даже не успели закончить ремонт – два мужика лениво доводили до ума оставшуюся дальнюю стенку. Поэтому аквариум с перекормленными рыбами-телескопами и скелет человека были выселены в коридор. Со скелетом все проходящие мимо гимназисты здоровались за руку. В итоге, к первой большой перемене скелет остался без кисти – ее последний поздравившийся гимназист, на ком она и отпала, положил скелету на макушку.

Затем, правда, бедолагу подлечили – привязали кисть обратно, но уже не проволокой, а прочной, толстой белой ниткой. Гимназисты эту деталь заметили и подвязали поверх ниток скелету на запястье бантик из неизвестно где раздобытой розовой ленточки.

Первые уроки нового учебного года прошли легко, на мажорной ноте, но вскоре по всей гимназии пронесся слух о небывалом, страшном происшествии. Всех учителей срочно созвали у директора. Они там проговорили всю перемену и даже часть урока, а после разошлись по своим классам – пораженные и опечаленные.

– Скорбный час, скорбный, – удрученно встряхивал седой головой Константин Митрофанович, учитель греческого.

Впрочем, все мальчики уже и сами знали о случившемся: едва пришедшие с каникул, гимназисты были ошарашены известием о смерти своего товарища – Коли Игнатьева, ученика шестого класса. Насколько было известно, он покончил с собой, выпив синильную кислоту.

Более прочих с ним был дружен Владимир Кох, но он ничего не мог объяснить одноклассникам – то ли будучи в шоке, то ли понимая абсурдность и бессмысленность произошедшего. Игнатьеву не на что было жаловаться: жил он хорошо, с родителями ладил и даже несчастной любви, как у того же Юленьки, у него не имелось.

За этим жутким инцидентом даже позабылось летнее происшествие с Александром Кононовым.

– А знаешь что, Сашка, – заговорил Дима Гурин, когда они в какой-то момент оказались вдвоем чуть в стороне от остальной взволнованной толпы, собравшейся в рекреации, – я ведь летом, когда думал, что ты умер, стихи для тебя написал – эпитафию.

– Вот как? – чуть оживился Саша, отвлекаясь от прежнего, тягостного настроения. – Дай хоть прочесть.

Дима подумал немного.

– Не дам. К чему тебе собственная эпитафия? На старости лет пригодится.

Саша постарался незаметно, но побольнее ущипнуть товарища за бок, зная, конечно, что до старости Дима не вытерпит – сдастся намного раньше.

«И все же, как это странно, ужасно, но и ужасно глупо, – думал Саша позже про Колю. – Что за блажь? Зачем?! Просто так взять и оборвать все. Расстаться с простой, понятной, радостной жизнью обычного человека. А самый кошмар в том, что Коля младше меня... Всего на год, но все же. Я уже ползал, начинал говорить, а он только-только родился. И теперь – я перешел в последний класс гимназии, а он умер. Насовсем. Все же, зачем?! Да останься я прежним, с какой радостью я бы прожил свой век. И каждый день Бога за жизнь благодарил...»

В этот день, неся в ранце первые домашние задания, а в голове – невеселые мысли, Саша побрел к дому Марка. Ему хотелось наконец-то узнать подробности о таинственной «первой субботе сентября», чтобы понять, к чему готовиться. И еще отчего-то очень интересно было

услышать, что скажет древний римлянин о глупом самоубийстве обычного петербургского юноши. Чем больше мнений Марка у него будет, тем скорее он узнает его самого.

Подходя к дверям парадного, Саша с тревогой ощутил, что почти соскучился по мрачному, таинственному наставнику. Самому необычному человеческому существу из всех живущих... Хотя Марк Альфений и принадлежал к особой породе, все равно не получалось думать о нем иначе, кроме как о человеке.

Люди ведь тоже разными бывают. Иного, самого обычного, самого теплокровного, человеком назвать язык не повернется. Взять хотя бы того же Франческо, лакея Марка. Спроси любого – «Кто из этих двоих живет со времен Флавиев и пьет людскую кровь?» – никто бы и не подумал на истинного хозяина.

Удивительно, но перед этой ходячей ручной мумией Саша испытывал трепет, будто перед каким-то важным чиновником или, скорее, перед великокняжеским привратником.

– Добрый день, – как всегда поприветствовал Саша хмурого Франческо и, как всегда, не услышал ответа, получив только взгляд, полный, по меньшей мере, сомнения в том, что день добрый.

Заперев снова дверь, Франческо указал на коридор, ведущий в гостиную, с таким выражением, с каким обыкновенно указывают на выход. Саша любезно улыбнулся, кивнул в знак благодарности и прошествовал вперед.

Лакей тут же оставил гимназиста, а сам вновь скрылся в комнатах.

В гостиной было пусто и сумрачно от задернутых плотных занавесок и непривычно тихо. Римлянин в такой час, разумеется, еще спал.

Саша устроился на диване, достал из ранца учебник, но раскрыв на случайной странице, просто положил его на колени, а сам полуприлег на широкий подлокотник. Будто бы задремал над книгой. На самом деле, ему зверски хотелось спать, но просто так развалиться в чужой квартире было неловко.

Дневной сон пришел достаточно быстро, приведя с собой полуденных бесов – тяжелые, тревожные сны. Была ли всему виной весть о несчастном происшествии, или же виновато было солнце, все же сочащееся через занавески, но во сне Саши по анфиладе старых комнат танцевала Смерть...

Кругом, как на балу или ассамблее, стояли, сидели люди, а легкий, грациозный скелет в одеждах не то из тончайшего шелка, не то из плотной паутины плясал и плясал меж ними – скакал из конца в конец анфилады, был везде и всюду, выделявая грациозные пируэты. То и дело он выхватывал из толпы людей кого-то – солидного господина с густыми бакенбардами, томную роковую женщину, зазевавшегося лакея, златокудрого смешливого ребенка, или даже кухарку, сунувшую нос в господские комнаты – затем вел этого человека в танце в самый дальний угол, а после возвращался один. И никто не боялся, не разбежался прочь, будто бы желая станцевать со Смертью.

Саша во сне стогал от нетерпения и любопытства. Несколько раз Костлявая проскакала мимо него, даже задев своей невесомой накидкой, но не обратила на гимназиста никакого внимания. Он себя чувствовал, как Наташа Ростова – ну разве не видно, как ему хочется танцевать? Прежних гостей уже почти не осталось кругом, всё прибывали и прибывали новые...

И вдруг к Саше подошел Марк. Грустно и тяжело посмотрев юноше в глаза, он взял его за руки, потянул за собой и произнес:

– Это что, новый способ учить – вверх ногами?

– Я не вверх ногами, – еще плохо спросонья ворочая языком, пробормотал Саша, отдирая щеку от подлокотника.

– Не ты, а книга твоя вверх ногами. С чем пожаловал?

Марк уже сидел за восточным столиком, а Франческо суетился тут же, разливая чай.

– Садись, – велел Марк Саше.

Тот перебрался за стол, капнул меда в свой чай, размешал, но пить не торопился.

– Один мой знакомый юноша умер недавно. Выпил синильную кислоту.

Римлянин молчал, попивая чай, как истинный англичанин. Саша продолжил:

– Скажите, может вы знаете, зачем люди совершают самоубийства? Молодые, целые, здоровые, ни в кого не влюбленные люди...

– Почему ты спрашиваешь это у меня?

– У кого еще? Я не знаю никого старше вас.

– Хочешь, стало быть, мое мнение? Вот оно, какое есть: этот мальчик – маленький дурак, который возомнил, что осознал и понял, что такое смерть и что такое одиночество. А насколько может по-настоящему захотеться умереть и почему, ты, может быть, однажды поймешь сам.

Видя, как расширились глаза гимназиста, римлянин вдруг повеселел.

– Ну-ну, довольно! *Carpe Diem*¹, малыш. Не унывай, пока сам хочешь жить. Ведь даже ваш плотник называл уныние грехом. Пей, пей.

Саша послушно отхлебнул чаю, но без особого желания и аппетита.

– Может, хоть скажете, что будет в первую субботу? А то ведь скоро уже...

– Не тревожься об этом. От тебя ровным счетом ничего не потребуется – только присутствовать, получать удовольствие от общения.

– С кем предстоит общаться?

– В субботу и узнаешь. Тем более, что тут мне приходится полагаться на чужое слово, а я это не слишком люблю – кто знает, что произойдет в последний момент?

Саша кивнул, хотя ни бельмеса не понял из слов наставника. Такая таинственность, такая загадочность представлялась ему не чем иным, как неким заговором Марка и Филиппа. И почему-то никак не получалось представить приятный сюрприз в их исполнении.

Вечером первого учебного дня, как и обещал, вернулся папенька.

Вернулся он в прекрасном расположении духа, даже время от времени что-то напевал. Единственное, что несколько его встревожило – это отсутствие вестей от супруги.

– Хотя, она же с Софи, – решил он, в конце концов. – Когда она помнила о времени в ее обществе?

«Да уж, слава Богу, что не с Ариночкой, – подумал Саша. – Лишь бы только Софи своими символизмами и оккультизмами отвадила маман от той блажи».

Папеньке про Ариночкины проповеди он пока не рассказывал.

Сели ужинать. Лиза на радостях, что семейство вновь собирается и жизнь налаживается, изваяла пышную, румяную картофельную запеканку и напекла булочек с медом и орешками. Саша выбрал кусок запеканки с самого краешка, где поменьше мяса, и стал есть размятую картофельную мякоть, оставив румяную корочку на потом.

Папенька побеседовал с Денисом о делах в университете, о предстоящем годе и о дальнейших планах. Денис непременно хотел после окончания университета ввязаться с какое-нибудь «верное, интересное дело», ни в какую не желая делить с отцом управление типографией. До спора дело пока не доходило – слишком уж хорошее настроение было у Дмитрия Петровича. Поэтому обсуждение вопроса карьеры старшего сына он отложил до лучших времен и переключил внимание на младшего.

– Как в гимназии дела? Что нового?

– Да все как обычно, кроме разве что... – Саша осекся, запоздало решив, что новость чересчур жуткая.

Но папенька тотчас нахмурил брови.

– Кроме чего?

¹ «Лови день», «лови момент», «живи сегодняшним днем» (лат.)

– Коля Игнатъев, ученик шестого класса синильную кислоту выпил.

– Что, прямо в гимназии?!

– Нет-нет, дома. Завтра отпевание.

– Зачем же он?

– Никто не знает. Он тихий был, мало с кем дружил.

– Что творится с Россией? – покачал Дмитрий Петрович головой. – Уже дети на себя руки стали накладывать.

– Думаешь, последние времена?

– Не знаю, что и думать.

Денис махнул рукой.

– Нечего впустую кликушествовать, Сашка. Вначале Знамение должно быть: огонь с небес или всадники. Вот, дирижабль на ипподром упадет – и начнется светопреставление. Или родится какой-нибудь с рогами, с копытами...

– Лось, что ли?

– Нет, антихрист.

– Как будто лось не может быть антихристом. Какой ни есть, а все ж – зверь.

Дмитрий Петрович вздохнул:

– Скажи теперь, Саша, если сей зверь не придет, что сам делать думаешь? У тебя ведь этот год в гимназии последний. Экзамены – а дальше что?..

Саша медленно отодвинул тарелку с остатками нетронутого мяса из запеканки. Какие же у него теперь планы? С начала лета он так и не задумался над таким простым будущим, как поступление в университет... Откровенно признаться, он и раньше об этом редко думал.

– Мне всегда была интересна история... – пробормотал он.

Дмитрий Петрович усмехнулся его словам, будто ребячеству.

– История, любезный мой, точная наука. Это тебе не Дюма и не Вальтер Скотт. И уж точно не Верн с Купером. История – это даты прежде всего. Даты, даты, даты... – для пущей убедительности он трижды хлопнул ладонью по столу в такт словам. – А ты ведь все аккуратно перед экзаменом зубришь, а потом из головы с легкой душой выбрасываешь. Разве нет? Ты подумай хорошенько: может, университет вовсе не для тебя? И здоровье можешь окончательно там подорвать.

Саша закивал.

– Да, я знаю, что надо решать, что надо все трезво рассудить, но я бы хотел подумать еще сколько-нибудь времени – просто понять кто я...

– Все верно – думай, понимай, у тебя еще почти год есть. И вот еще о чем подумай: мне Алексей Иванович – ну, Барятов, какой же еще? – сказал, что у него на примете есть одно местечко неплохое. Его давний приятель занимается торговлей – пуговицы, иголки, булавки, нитки, прочая галантерея. Одна лавка у него уже есть, хочет в следующем году открыть вторую. Нынешний его секретарь и помощник станет тогда ее управляющим, а ему самому понадобится новый. Ему нужен молодой, сообразительный – с этим у тебя все хорошо. Конечно, нужно с арифметикой дружить, но там ведь и не движения небесных тел надо вычислять. Справишься.

За столом воцарилось неловкое молчание. Наконец, прыснул со смеху Денис:

– Сашка, пуговицы и деньги!

Дмитрий Петрович недовольно посмотрел на него, а Саше и вовсе было не до смеха. Галантерея – реальная, почти осязаемая, так и встала у него перед глазами.

– Ты его не слушай, – велел отец. – Подумай хорошенько – не год, конечно, хорошо бы ответить раньше. Но еще какое-то время у тебя есть.

– Ладно, папенька, – смиренно согласился Саша. – Я подумаю обязательно. Спасибо...

И Саша думал весь оставшийся вечер и всю оставшуюся ночь. Он думал: «Неужели это то, к чему я пришел и чего заслуживаю?». А чего иного он мог желать и требовать от обычной мирской жизни?

А может быть, галантерея – это не так уже и плохо? В конце концов, даже к пуговицам можно привыкнуть... Хотя, от этого становилось тошно.

Другое дело книги или какие-нибудь старинные безделушки. Но пуговицы с булавками! Снова к Марку бежать? Нет, в этой жизни наставник ему не советчик.

В итоге Саша решил действительно подумать – еще разок (другой, третий...) всё взвесить, не торопясь, тем более что время еще было. Но никому из друзей, упаси Боже, не рассказывая о таком «неплохом местечке», которое подыскал для него папенька.

Глава четвертая. Семья

К первой субботе сентября от маменьки по-прежнему не было вестей, поэтому Дмитрий Петрович не слишком одобрительно посмотрел на Сашу, взволнованно собирающегося на какую-то важную встречу. Тот надел чистую рубашку, причесался, а форму велел Лизе почистить и выгладить. Поскольку ранее за гимназистом аккуратностей в таком количестве не наблюдалось, домашние не слишком поверили в то, что он идет к друзьям.

Саша и сам был бы рад никуда не идти, но в половину четвертого, как и условились, он приехал к Марку. Тот был уже при полном параде – причесан, надушен, в новеньком, с иголочки, темно-сером костюме. Жутко было даже представить, для чего или для кого римлянин так постарался. Но ничего спрашивать Саша уже не стал – ходу назад не было, а злить наставника расспросами не стоило.

– Отлично выглядишь, – отметил Марк, окидывая Сашу взглядом. – Все пройдет хорошо.

Ровно в четыре они вышли из дома, проехали на извозчике до большого ресторана рядом с Невским. Марк уверенно вошел в распахнутые швейцаром двери, не оглянувшись на Сашу, который отчаянно старался не отставать от него.

Внутри метрдотель не слишком доволен покосился на юношу в гимназической форме, но все же повел обоих внутрь зала. Солидная публика, жуящая за столиками, также с сомнением поглядывала на растерянного гимназиста – особенно внимательно его взялись разглядывать крупная пожилая дама в старомодном синем платье и красивый черноволосый молодой человек с по-восточному чуть раскосыми бирюзовыми глазами. Последний разглядывал его чуть дольше и пристальней, поскольку сидел рядом с дверью, в которую они с Марком вошли. Саша секунду помедлил на пороге, убирая сложенные солнечные очки в карман формы, и даже оглянулся на этого незнакомого молодого человека, но тот, пряча ухмылку, уткнулся в свою газету.

Саша шагнул вперед, за тяжелую, плотную завесь, и оказался в небольшом, отдельном помещении – не то чтобы кабинете, а скорее небольшой гостиной.

В центре стоял накрытый стол (разумеется, без мяса или рыбы), а вдоль стены располагались удобные кресла и кушетки. На одной из них сидели дамы – смуглая Кэт и две Саше не знакомые: одна – с золотистой кожей, темными глазами и волосами и величавой осанкой, вся в тяжелом вишневом бархате, а с нею другая – стройная и хрупкая, с огромными голубыми глазами, с кружевной лилией в волосах, в светлом платье и газовом шарфике. Эта точно была парижанкой – когда Саша вошел, она что-то бойко и очень эмоционально рассказывала окружающим по-французски.

Поодаль в кресле сидел щедедушный юноша, похожий на студента: густые каштановые волосы всклокочены, ботинки стоптаны и затянuty пылью, одежда (брюки, белая рубашка с высоким воротом и старый сюртук) слегка помята и кое-где заштопана, взгляд – диковатый, но внимательный одновременно. На шее у него висел черный вязаный шарф, уже износившийся и потертый. Несмотря на общую странность образа, юноша был даже красив – изможденность истончила его черты, придала бледность коже.

Между ним и дамами стоял вполоборота к двери высокий светловолосый мужчина с военной выправкой, одетый хоть и не в форму, но на военный манер. Вначале Саше показалось, что он замечательно хорош мужественной нордической красотой, но, стоило тому обернуться, то едва сдержался, чтобы не отвести тут же взгляд в смущении – через всю левую половину лица мужчины шел глубокий грубый шрам. Левого глаза не было вовсе, а пустую глазницу закрывала кожаная нащепка на ремешке, скрывающемся под волосами.

Разумеется, тут же стояли Саймон Мейерс и Филипп Лорел – оба радостные, чуть взволнованные.

Едва Саша вошел и полог сомкнулся за его спиной, все голоса смолкли, все взгляды обратились к нему.

Марк чуть сжал плечо своего подопечного и вывел его еще на два шага вперед.

– Александр, – коротко и отчетливо представил он его.

Затем римлянин по очереди стал называть Саше всех присутствующих. А юноша отчаянно старался не показать своего изумления от каждого имени, от каждой фразы, и ничем не выдать легкую дрожь.

– Кьяра Безаччо. Родилась во Флоренции, затем вышла замуж и приобщилась к нашему скромному сообществу в Венеции. В общем, прекраснейшая дочь Италии. – (Кьяра величаво кивнула в знак приветствия, улыбнувшись комплименту.) – С ней – ее верная юная спутница Делия Дево. Слышал ли ты, Александр, о Гранд Опера в Париже?

– Разумеется, слышал.

– Так вот, этот дворец муз еще не был построен, а мадемуазель Дево уже порхала в лучах газовых светильников в театре на улице Ле Пелетье.

Делия, не сдержавшись, поднялась с кушетки и сделала прелестный, изящный реверанс.

– А эти достойные господа – наш милый брат Родриго, бывший пёс Господень, Domini сапе, и его юный спутник лейтенант Джеймс Бартон. Не считая тебя, Александр, Джеймс – самый младший среди нас.

Вдруг Родриго поднялся со своего кресла и устремился к Саше – все с тем же полубезумным взором и распростертыми объятиями. Гимназист еле успел вдохнуть, прежде чем костлявые руки сгребли его, сжали, как в тисках. Родриго судорожно и пылко пробормотал что-то на испанском, прибавил по-английски «Dear child», поцеловал юношу в щеку своими ледяными губами, холоднее которых был только его же нос, и отошел в сторону с поникшей головой.

– Чего ему от меня надо? – от волнения чересчур громко шепнул Саша Марку.

Филипп, Саймон, Кэт и Кьяра, очевидно, тоже хорошо понимавшая по-русски, едва сдержали улыбки. Филипп даже отвернулся и слегка прокашлялся.

Родриго, так и не севший обратно, только бросил на них печальный, почти сострадательный взгляд из-под ресниц. Глаза у него, кстати, как успел заметить Саша, были очень необычными – зелеными, с красной «короной» лопнувших капилляров по краю радужки.

Марк, задумчиво усмехнувшись, пояснил:

– Фра² Родриго считает, что *«тебя, милое дитя, ждет Лимб³, в отличие от нас, грешников, коим предстоит вкусить всю горечь адовых мук»*. Признаться, не припомню, чтобы за последние лет сто Родриго кому-то говорил столь теплые слова, Александр. Ты можешь гордиться, а главное – быть спокойным за свою душу. Ну, а пока мы все не в Аду, предлагаю вкусить чего-то менее горького.

У каждого оказалось свое место за овальным столом.

Во главе его сел, разумеется, Марк, Саша – напротив него, между Филиппом и Саймоном. Дальше за Филиппом сидели Кэт и Делия, которая то и дело с любопытством поглядывала на Сашу, за Саймоном – Джеймс. Два последних места возле Марка заняли Кьяра и Родриго. Кьяра села по правую руку от римлянина, доминиканец – по левую.

Заняв свои места, места все обратили взоры к Марку. Но, стоило ему чуть выпрямиться и всем своим видом показать, что он будто бы готов начать говорить, как фра Родриго встрепнулся и осенил стол католическим крестным знамением:

² Fra (от итал.) – брат.

³ В католицизме и в средневековых европейских представлениях в целом – крайний, «щадающий» круг ада, куда попадают некрещенные младенцы и добродетельные язычники.

– In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.⁴

И вновь благоговейно сложил руки на самом краешке стола, и воззрился на римлянина. Саша немного опешил, но прочие оказались невозмутимы, только Филипп позволил себе усмехнуться.

– Благодарю, брат Родриго, – сердечно произнес Марк. – Будем надеяться, что ваше благословение хоть немного поспособствует спасению наших душ. Особенно, моей, веками бродящей во тьме язычества. Если верить давнему поверью нашей породы, в мире грядут большие перемены, потому что только накануне конца старого мира рождаются... наши дети.

За столом воцарилась торжественная, гробовая тишина. Какой еще может быть торжественная тишина в подобном обществе?

⁴ Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.